

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В СИСТЕМЕ НАУК

© 2018 г. В. Н. Жуков

*Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 21.06.2018 г.

В статье рассматривается соотношение философии права, философии и юриспруденции, раскрываются связи их взаимного влияния. Проводится разграничение между метафизической и юридико-догматической философией права. Показывается влияние идеологии на философию права.

Ключевые слова: философия права, философия, юриспруденция, метафизическая и юридико-догматическая философия права, идеология.

DOI: 10.31857/S013207690002072-1

Философия права и философия

Философию права обычно считают междисциплинарной отраслью знания, сформировавшейся на стыке философии и юриспруденции. С этим можно согласиться лишь отчасти. Философию права можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле под философией права понимают всю мировую философско-правовую мысль, берущую свое начало в античности. В узком смысле философия права – академическая дисциплина, которую начинают читать в университетах Европы в XVII–XVIII вв. Говорить о философии права Платона, Аристотеля или Августина как о междисциплинарном знании не приходится, поскольку тогда не было еще соответствующей отраслевой специализации. Общественное знание начинает дифференцироваться с развитием европейских университетов, но данный процесс был длительным и неоднозначным. Притом что университетское образование в Европе насчитывает несколько столетий, более или менее отчетливая специализация научного знания, в том числе гуманитарного, состоялась относительно недавно (по историческим меркам), на рубеже XVIII–XIX вв. Во второй половине XIX – первой трети XX в. дифференциация гуманитарного знания приобретает примерно

тот вид, который дошел до нашего времени. Степень отраслевой специализации красноречиво характеризует перечень курсов, которые читал типичный преподаватель, например, немецких университетов. Так, Кант читал лекции не только по философским дисциплинам (метафизике, логике, моральной философии), но также по математике, физике, физической географии, антропологии. На уровне дисциплин специализация наблюдается, но факт чтения их одним преподавателем говорит о низком уровне этой специализации. Гегель вроде бы специализировался исключительно по философии, но разброс философских дисциплин у него чрезвычайно широк: онтология, гносеология, философия природы, философская антропология, социальная философия, философия истории, философия религии, философия права, этика, эстетика, история философии. Дифференциация философских наук здесь есть, но она низкого уровня, ее показатель – постоянное дублирование материала в трудах, формально отнесенных Гегелем к разным дисциплинам.

В эпоху средневековья богословие, философия и юриспруденция рассматривались уже как самостоятельные университетские дисциплины, но связь между ними была весьма тесной. Так, догматический метод, ставший

основным для юридической науки, во многом был заимствован из богословия. Догматический анализ религиозных текстов и позитивного права, очевидно, сближал богословие и юриспруденцию. Между юриспруденцией и философией также существовала тесная связь. В период, когда формировалась философия права, в качестве общеметодологической базы юриспруденции господствовала школа естественного права, пронизанная рационалистической философией того или иного вида. Характерная черта обществоведческих текстов Нового времени – синкретизм, труды Спинозы, Гоббса, Локка, Монтескьё, Руссо – это, как правило, совокупность идей из области богословия, философии, антропологии, психологии, юриспруденции, этики, политики, истории и других дисциплин. Специализация здесь еще только намечается, а значит, говорить о философии права как о межотраслевой дисциплине пока рано. Если автор был не только философом, но и юристом (Гроций, Пуффендорф, Вольф), межотраслевой характер философии права проявлялся резко, степень опоры на юриспруденцию могла быть достаточно высокой. Если автор был только философом (Кант, Фихте, Гегель), знания по юриспруденции использовались, но в целом поглощались философией. Межотраслевой характер философии права здесь едва заметен, сведения о государстве и праве, необходимые автору для написания работы, могли быть самого общего характера. В XIX и XX вв. картина в целом была похожей. Таким образом, говорить о междисциплинарном характере философии права можно лишь с большими оговорками, всегда имея в виду ее конкретных представителей и историческую эпоху, в условиях которой они жили и творили.

С известной долей условности всю академическую философию права (на Западе и в России) можно разделить на два основных направления: метафизическое и юридико-догматическое. Метафизика – понятие широкое, использовавшееся в истории философии в разных значениях. В нашей философской литературе прижились два основных: 1) как наименование идеалистической философии, признающей сверхприродные принципы бытия (традиция, идущая от Аристотеля); 2) как разновидность метафизического материализма, противостоящего материализму диалектическому (классификация Ф. Энгельса). Возможно еще одно значение понятия метафизи-

ки, которое использовали русские религиозные философы конца XIX – первой половины XX в. (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк), а именно: метафизика есть философия, в своих базовых гносеологических установках опирающаяся на веру. В этом смысле под категорию “метафизика” подпадают не только идеалистические школы, но и материализм во всем его разнообразии (включая марксизм), поскольку его исходные тезисы о первичности бытия и вторичности сознания, о единстве материи и сознания, о познаваемости мира, об отсутствии Бога и смертности человеческой души бездоказательны и берутся на веру. Так понимаемая метафизическая философия нацелена на создание смысловой картины мира, на поиск предельных оснований бытия, на построение методологии, способной обосновать предлагаемые теоретические конструкции. Соответственно, задачи, стоящие перед метафизической философией права, заключаются в том, чтобы познать смысл и предельные основания государства и права, их ценностные свойства, создать методологию, необходимую для выполнения данных задач. Очевидно, что цели и задачи метафизической философии права не требуют профессиональных юридических знаний. В этом смысле метафизическая философия права очень далеко расположена от догматической юриспруденции, несколько ближе – к истории, теории и социологии права. Чтобы создавать метафизические конструкции, нет необходимости изучать отраслевую юриспруденцию, достаточно иметь общие знания о свойствах права и государства и их истории. В данном случае междисциплинарный характер знания почти не виден, философия поглощает собой юриспруденцию почти полностью, философия права перенимает все свойства философии, о которых сказано было выше. Метафизическая философия права – это по преимуществу именно философия, а не юриспруденция, даже взятая на уровне ее общей теории. Метафизическая философия права – часть философии, разновидность прежде всего философского, а не юридического знания. Примерно то же можно сказать о философии природы, философии политики, философии религии, философии техники, философии науки и т.п. Везде картина одна и та же: философия исследует свой предмет в контексте своего понятийного аппарата, специальные знания, доставляемые

той или иной наукой, используются весьма ограниченно и в пределах, определяемых задачами философии. Если юрист переходит от юриспруденции к метафизической философии права и пытается выстраивать свою концепцию в соответствии с ее базовыми постулатами, он перестает быть юристом и становится подлинным философом. Так, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Е.В. Спекторский, И.А. Ильин (все либо закончили юридический факультет, либо учились там), переходя от права к философии, демонстрировали тонкое понимание нюансов метафизики. Пройдя профессиональную юридическую подготовку, они восприняли философию не через призму специфического мира права (хотя, казалось бы, профессиональная деформация должна была сказаться), а непосредственно, как она представлена в ее лучших классических образцах. Здесь работала логика собственно философского анализа: если есть задача рассмотреть государство и право в философском отношении, то надо вставать на позиции философии и быть философом.

Принципиально иной подход демонстрирует юридико-догматическая философия права, где доминирует именно юриспруденция, а не философия. Данное направление имеет еще два названия: юридический позитивизм и аналитическая философия. Юридико-догматическая философия права вырастает не из философии, а из отраслевой юридической науки, важнейшей особенностью которой всегда было господство догматического метода. Юрист, поставивший перед собой цель дать анализ политико-правовых явлений на общетеоретическом уровне, использует догматический метод в качестве основного, — так появляется юридико-догматическая философия. Слово “философия” здесь — фигура речи, не более того, так как догматический анализ не связан ни с какой философской школой, а значит, и с философией вообще. В этом отношении термины “юридический позитивизм” и “аналитическая философия” хотя и являются устоявшимися и широко распространенными, не отражают сути вещей. В советской и постсоветской литературе распространена позиция, согласно которой школа юридического позитивизма возникает на базе философии позитивизма, а юристы-теоретики берут на вооружение методы позитивистской методологии (наблюдение, описание, классификация). Ничего этого, конечно, нет.

Действительно, догматический анализ включает в себя методы наблюдения, описания и классификации, но берут их юристы не из позитивистской философии и не из естествознания, а из опыта правотворчества и формальной логики. Термин “юридический позитивизм” может употребляться только в одном значении: юридико-догматическое изучение позитивного права (так это понимали, например, русские дореволюционные юристы).

Понятие аналитической философии права также сомнительно, поскольку не ясно, о какой философии идет речь и какую роль она здесь играет. Когда говорят о методологических основах учения Кельзена и Харта (классики данного направления), то обычно указывают на неопозитивизм в форме логического позитивизма или философии языка. Их тексты зрелого периода не демонстрируют видимой связи с неопозитивизмом, тогда как догматический метод применяется ими постоянно и повсеместно. “Чистое учение о праве” — это попытка дать теоретический срез отраслевой догматики и спроецировать его на общие проблемы политико-правового бытия. Очевидно, что в данном случае связь между аналитической философией права и отраслевой юридической наукой настолько тесная, что справедливо будет воспринимать последнюю в качестве методологического фундамента первой. Без отраслевой юридической догмы юридический позитивизм не мыслим, без нее он не состоялся бы как теория. Автор, пытающийся работать в рамках данного направления, обязан иметь профессиональную юридическую подготовку, для него она важнее, чем знание любого из философских направлений. Наши постсоветские юристы, как правило, демонстрируют именно такое положение дел, когда, слабо разбираясь в философии, работают в области философии права на основе главным образом юридических знаний. Не зная и не понимая философии, они ее либо отвергают, либо игнорируют, а свои чисто юридические конструкции выдают за высокие образцы философии права.

Философия права и юридические науки

Вспомним, что юридическая наука неоднородна и складывается, как минимум, из двух неравнозначных компонентов: догматической (отраслевой) юриспруденции и фундаментальных юридических дисциплин (общая теория права, философия права, социология

права, антропология права, история государства и права, история политических и правовых учений, сравнительное правоведение). Как уже было сказано, философия права может быть двух видов: метафизической и юридикто-догматической. Метафизическая философия права практически никак не связана с догматической юриспруденцией, с фундаментальной юридической наукой связь есть в той или иной степени. Юридикто-догматическая философия права теснейшим образом связана с отраслевой юридической наукой: генетически вырастает из нее, берет от нее догматический метод, опирается на ее понятийный аппарат и использует ее проблематику. С фундаментальной юридической наукой она также взаимодействует, поскольку стремится на ее материале создавать свои теоретические конструкции. Метафизическая философия права распространена по большей части в философской среде, а юридикто-догматическая — в юридической. В юридической среде метафизическая философия права — редкость (особенно если брать современную Россию), так как юристы, как правило, далеки от философии, не знают ее и не интересуются ей, главным образом они заняты тем, что выстраивают юридикто-догматическую философию, опираясь в основном на материал юридической науки. Следствием такой однобокой направленности стало появление философии права, мало чем отличающейся от общей теории права. Совсем не случайно Кельзен, например, называет свое учение не философией права, а теорией права. В дореволюционной России юристы, тяготеющие к философии позитивизма, либо отождествляли философию права и общую теорию права (Г.Ф. Шершеневич), либо считали теорию права высшей формой общетеоретического юридического знания, а философию права — лишь подготовительной ступенью к нему (Н.М. Коркунов). В философской среде, среди философских наук философия права считается самостоятельной дисциплиной, занимает свое, особое место, никем и никак не оспариваемое. В юридической среде, среди юридических наук философия права нередко воспринимается как инородное тело, как опасный конкурент общей теории права. Статус философии права представляется юристам весьма сомнительным, надуманным, многие из них не считают философию права самостоятельной отраслью знания. В этом отношении показательна позиция проф. О.В. Марты-

шина, который полагает, что теория государства и права как комплексная общетеоретическая наука включает в себя три компонента: юридическую догматику, философию права, социологию права. При этом он делает существенную оговорку, что “это не три раздела теории государства и права, не три части учебного курса, а три пласта, три подхода или метода исследования, которые присутствуют почти в каждой теме”. И далее: “В рамках теории государства и права не только возможно, но и желательно расширение и углубление философско-правовой проблематики. Однако сосуществование в одной учебной программе наряду с теорией государства и права курсов лекций и учебников по философии права способно привести лишь к дублированию и созданию надуманных проблем”¹.

Наиболее проблемным является положение философии права в юридической среде, среди юридических наук, где распространен юридикто-догматический вариант философии права. Особой сложностью отличаются взаимоотношения философия права и общей теории права. Следует напомнить, что общая теория права возникает в Германии и России в последней трети XIX — начале XX в. как комплексная общетеоретическая междисциплинарная наука в составе, как минимум, трех компонентов: догмы права, философии права, социологии права. “Отцы-основатели” теоретико-правовой науки ставили перед собой задачу получить знание, основанное на синтезе юридических и неюридических дисциплин и имеющее универсальное общетеоретическое значение. По большей части данная задача решена не была, поскольку в теоретико-методологический фундамент общей теории права был положен принцип эклектики, взятый из энциклопедии права. Уже в первой трети XX в. становится ясно, что общая теория права никак не поглощает ни философию права, ни социологию права, демонстрировавших способность к автономному существованию. Получалось, что, с одной стороны, теоретико-правовая наука продолжает стремиться быть комплексной дисциплиной, с другой — совершенно очевидно распадалась на три части: догму права, философию права, социологию права. Все больше появлялось работ, вроде бы выполненных в рамках общей

¹ Теория государства и права: учеб. для вузов / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 25.

теории права, но на самом деле представлявших собой либо догматическое исследование, либо философское, либо социологическое. Так, работы Г. Кельзена выполнены в догматическом духе, Г. Радбруха — в философском, Г. Гурвича — в социологическом. Тот же процесс наблюдается в постсоветской России: все вроде бы исходит из идеи единства теории государства и права, но фактически она все больше распадается на догму права, философию права и социологию права.

Развитие юридической науки за последние 150–200 лет отражает общую тенденцию дифференциации и интеграции научного знания. Мир един, но бесконечно сложен и многосторонен, его познание лежит на пути выработки тончайших методов исследования, новой методологии, что ведет к дифференциации науки. Бесконечное дробление знания и появление его новых отраслей, казалось бы, разрушают общую картину бытия, ведут к утрате ощущения единства мироздания. Вместе с тем вновь появляющееся межотраслевое знание оказывается той соединительной тканью, благодаря которой картина мира возвращает себе былое единство. Политико-правовое бытие также едино, хотя и отличается крайней сложностью, антиномичностью, противоречивостью. Догма права, философия права, социология права отражают разные стороны единого в своей основе политико-правового бытия. Многие крупные юристы ставили перед собой задачу максимально интегрировать раздробленное юридическое знание в единое целое, из чего, конечно, ничего не получилось и не могло получиться, поскольку слишком разные задачи у разных отраслей юридического знания. Так, выходец из России, ученик Л.И. Петражицкого, работавший во Франции юрист Г. Гурвич попытался обосновать единство философии права, социологии права и догмы права в рамках своей концепции “идеал-реализма”: “Для того чтобы быть настоящим юристом, а не витающим в абстракциях резонером и логиком-формалистом, правовед не может отрывать науку о праве ни от социологического исследования подлинно действенного и живого права, ни от философского исследования духа и принципов права... Философия права не может обойтись ни без юридической социологии, ни без догмы права так же, как и эти две научные дисциплины не могут обойтись друг без друга и без философской рефлексии.

Разрыв между этими тремя научными дисциплинами, символизируемый взаимной враждебностью правоведа с юридического факультета и занимающихся правовой проблематикой социолога и философа, является причиной изолированности каждой из данных дисциплин, присущих им догматических тенденций и поражающего воображение отставания от общего развития философской и научной мысли”². С его точки зрения, все три дисциплины имеют единый базовый предмет в форме “юридического опыта”, “нормативных фактов”, открывающихся сознанию благодаря интуиции. Изучить данный опыт, т.е., по сути, феномен права, можно только комплексно, только благодаря всем трем дисциплинам.

Прямо противоположной позиции придерживается Г. Кельзен, который, разделив науки на нормативные и каузальные, положил между ними непроходимую границу. Если наука изучает мир должного и использует нормативный метод, это наука нормативная, если исследует мир сущего и применяет метод каузальный, это наука каузальная. Юридическая наука может быть как каузальной, так и нормативной, в зависимости от избираемого предмета и метода. Казалось бы, политико-правовое бытие едино, но оно рассекается на две части — сущее и должное, живущие по своим законам. Соответственно, нормативный и каузальный методы не столько дополняют друг друга, сколько существуют параллельно в разных мирах. Данная логика подводит к следующим выводам: 1) дробление юридической науки — вещь не только неизбежная, но и необходимая; 2) нормативные и каузальные юридические науки могут существовать автономно друг от друга; 3) догма права, философия права, социология права не имеют объективной основы для объединения и не должны к этому стремиться.

Как представляется, обе позиции (Гурвича и Кельзена) содержат рациональное зерно, отражающее реальное положение дел. Государство и право как социальные явления едины, дробить их можно только в науке, умозрительно, в жизни сами по себе они не только представляют собой органическое единство, но и теснейшим образом связаны между собой. Вместе с тем политико-правовое бытие

² Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. СПб., 2004. С. 220.

многогранно и антиномично, его изучение требует научной специализации, что, собственно, и обеспечивает глубину познания. Попытка искусственно соединить догматическое, философское и социологическое исследование права и государства, как правило, чревата пустым прожектерством, рождением безжизненных наукоподобных схем. Так, Гурвич, провозгласив единство трех отраслей юридического знания, практически не работал как догматик, а философия права и социология права у него слились, потеряв свои специфические черты. В результате получилась все-таки по большей части социология права с философской добавкой в виде позитивизма, неокантианства и интуитивизма Бергсона и полным забвением юридической догмы. Так что вместо реального соединения догмы права, философии права и социологии права юридическая наука получила благие пожелания. Позиция Кельзена представляется более реалистичной хотя бы потому, что он своим “чистым” учением о праве демонстрирует приверженность заявленным методологическим установкам. Он создает догматическую теорию права без всяких примесей со стороны философии или социологии, добиваясь выдающихся результатов в деле познания государства и права. Все три дисциплины — догма права, философия права, социология права — настолько широки и самодостаточны, что вполне могут существовать автономно друг от друга. Данное положение вещей не отменяет, конечно, стремления к установлению их взаимосвязи.

Философия права и идеология

Идеология — многозначное понятие, но в главном и основном — это совокупность идей, выражающих интерес социальных институтов или общества в целом и нацеленных на достижение этого интереса. Маркс весьма точно назвал идеологию ложным сознанием, поскольку она представляет собой искаженную картину мира. Познавательная деятельность человека направлена на установление объективных свойств вещей, ему это необходимо, чтобы использовать материальные и духовные ценности для обеспечения своей жизнедеятельности. Объективная картина мира — основа борьбы человека за выживание в борьбе с природой и неблагоприятными социальными факторами. Вместе с тем человек легко идет на самообман, если это хоть как-то облегчает его жизнь, либо отвечает

его интересам. Социальный интерес, пройдя сквозь призму человеческого сознания, может рождать самые фантастические картины социального бытия. Так, русское консервативное дворянство, отстаивая свое право на землю и крепостных крестьян, сознательно извращало факты русской истории по закабалению крестьян. Европейцы Нового времени, оправдывая свою колониальную политику и работорговлю, обосновывали идею неравенства рас. Буржуазия эпохи свободной конкуренции, создавая миф демократии и правового государства, стремилась прикрыть им нещадную эксплуатацию пролетариата. Коммунистические диктатуры XX в., стремясь удержать свое господство при помощи массового террора, представляли это как борьбу с классовым врагом в целях строительства социализма-коммунизма. Чтобы отстоять свой интерес и представить его в рациональном, благообразном, респектабельном виде, социальная группа (большая и малая) сознательно или бессознательно прибегает ко лжи. Это тем более верно, когда речь идет о государстве и его правящих классах. Государство, мобилизуя подвластное население на проведение той или иной внутренней или внешней политики, пытается дать ей более или менее правдоподобное обоснование. Однако массы не так просты, как иногда представляли их политики разных времен и народов. Государственная идеология оказывается действенной только в двух случаях: 1) если она отвечает интересам широких слоев населения; 2) если поддерживается методами массового террора. В первом случае сознание масс и правящего класса совпадает. Как верно заметил К.Г. Юнг, государство, власть не могут в своих ценностных установках стоять выше основной массы населения и всегда демонстрируют грубый животный эгоизм, прикрываемый красивым политическим мифом. Во втором случае страх запускает механизм вытеснения (термин из психоанализа), в соответствии с которым человек, чтобы выжить, бессознательно замещает рациональное восприятие действительности мифологической картиной, переводя истинные мысли в глубины подсознания. Иначе говоря, вместо того чтобы назвать вещи своими именами, массы, запуганные террором, предпочитают видеть в лице власти едва ли не национальных героев, пекущихся о благе народа и спасающих его от внутренних и внешних врагов.

Философия права — дисциплина, рассматривающая вопросы государства и права и потому всегда оказывающаяся в фокусе полити-

ки. Сфера власти, политики универсальна, она поглощает все остальные стороны жизнедеятельности общества. Есть известная и правильная мысль, что человек не может стоять вне политики, если вы не занимаетесь политикой, политика займется вами. Поскольку государственная власть организует население в нацию и стремится сделать из обывателей патриотов, поскольку власть, следуя инстинкту самосохранения, нацелена на подавление враждебных ей сил, поскольку власть заинтересована в поддержке со стороны масс, она прямо или косвенно старается превратить философию и социальные науки в инструмент проведения своей политики. Как было отмечено выше, философии и социальной науке имманентно присущи идеология и ценности. Любой автор, в том числе субъективно стремящийся быть объективным и находиться вне политики, так или иначе, тем или иным способом оказывается в ней, поскольку даже подчеркнута нейтральная позиция в отношении политики в конечном счете оказывается политической позицией. Ни одному человеку, пишущему на тему государства и права, не удавалось стоять вне политики. Так, казалось бы, просветительская идеология естественного человека, естественного состояния и естественного права, имеющая в виду некоего абстрактного человека, оказалась не чем иным, как революционной идеологией идущей к власти буржуазии. Историческая школа права, выражавшая дух подлинной науки, в политическом отношении была манифестом консервативного дворянства в защиту своих классовых привилегий. Философия права Гегеля была очевидным компромиссом между феодальным и буржуазным порядком. Марксизм прямо заявил, что его учение является научной идеологией пролетариата. В советском обществоведении философия рассматривалась как форма научной идеологии, противопоставившей себя всем остальным разновидностям немарксистской идеологии (прежде всего буржуазной). В постсоветской России многие продолжают оставаться на такой же позиции.

Сущность философского познания — свободный, не связанный ни какими социальными условностями поиск истины, стремление средствами разума понять смысл мироздания. Сущность идеологии — отстоять социальный интерес, не оглядываясь на истину. Если достижение интереса требует опоры на истину, она признается, если истина мешает

удовлетворить интерес, она заменяется ложью. Философия права может быть, а может и не быть идеологией в зависимости от того, является ли философия права поборницей истины, а идеология — наукой. Философия права — это, конечно, не идеология, но они связаны между собой, а в условиях тоталитарных режимов сливаются. Логика развития государств на протяжении всей мировой истории демонстрирует главную ее тенденцию: все государства мира неуклонно стремятся к всевластию, к полной, всесторонней, всеохватной реализации их суверенитета. В известном смысле тоталитарные режимы XX в. лишь одно из проявлений данной тенденции. Современный западный мир, например, с его якобы “прозрачными границами” все больше использует методы тотального слежения за своими гражданами и иностранцами, постоянно расширяя компетенцию полиции и специальных служб. Всевластие современного государства — норма, воспринимаемая таковой и представителями философии и социальной науки. В начале XXI в. формула Гегеля “государство есть реализованная свобода” выглядит весьма сомнительной, поскольку всевластие современного государства и (скажем шире) запреты современной культуры неуклонно сужают сферу интеллектуальной свободы. Растущий в геометрической прогрессии массив законодательства — объективная вещь, обусловленная дифференциацией социальной жизни. В сравнении с античностью или средневековьем духовная, культурная жизнь современного человека европейской цивилизации многократно усложнилась, появились ее новые стороны, что отразилось в появлении нового массива законодательства. За последние 100 лет возникла и продолжает развиваться парадоксальная ситуация: человек западной культуры требует для себя все больших гарантий индивидуальной свободы, но установление дополнительных гарантий сужает сферу этой свободы. Законодательство, влезая в мельчайшие нюансы человеческой жизни (духовной, семейной, половой, хозяйственной, политической), вроде бы должно вносить в них большую устойчивость и гарантированность от произвола власти и отдельных лиц, но все это оборачивается колоссальным бременем, ложащимся на индивидов. Свободное развитие, занятие творчеством и наукой отягощаются многочисленными ограничениями, которые необходи-

мо соблюсти, чтобы якобы не нарушить права и свободы других лиц. Современное законодательство стран Запада напоминает рыболовную сеть из мельчайшей ячеи, сквозь которую невозможно пробиться творческой мысли, не задев ту или иную норму. Исследователь в области социальных наук, приступая к работе, должен определить для себя вопросы, которые лучше обойти молчанием, чтобы случайно не нарушить табу современной культуры. Иными словами, исследователь, в том числе философ права, должен руководствоваться не только чисто познавательными

задачами, он должен четко понимать ту культурную и идеологическую среду, в которой ему предстоит работать. Исследователь, если он не хочет оказаться под прессингом государства или общественного мнения (нередко оборачивающегося травлей), обязан встроиться в господствующую идеологическую и ценностную систему, т.е. быть не только ученым или философом, но и идеологом. В странах с традиционной культурой ситуация может быть еще тяжелей, поскольку традиция и религия могут выступать серьезным ограничителем свободы творчества.

PHILOSOPHY OF LAW IN THE SYSTEM OF SCIENCES

© 2018 V. N. Zhukov

*Law faculty of Lomonosov Moscow state University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 21.06.2018

The article examines the relationship between the Philosophy of Law, philosophy and law, reveals the relationship of their mutual influence. A distinction is made between metaphysical and legal dogmatic Philosophy of Law. The influence of ideology on the Philosophy of Law is shown.

Key words: Philosophy of Law, philosophy, jurisprudence, metaphysical and legal dogmatic Philosophy of Law, ideology.